

Пенелопя Цилкок

ДОЛГАЯ
ОСЕНЬ

Книга третья

Посвящается
Марку и Джил Барретт

Община аббатства Святого Алкуина

Монахи

Брат Джон	<i>инfirmарий</i>
Брат Майкл	<i>помощник инfirmария</i>
Брат Эдуард	<i>помогает в лазарете</i>
Отец Чад	<i>приор</i>
Отец Колумба	<i>аббат — известен как отец Перегрин</i>
Брат Гилберт	<i>регент</i>
Брат Томас	<i>личный помощник аббата; кроме того, работает на ферме</i>
Брат Френсис	<i>переписчик и иллюстратор рукописей; отправлен в семинарию</i>

Брат Валафрид	<i>травник и винодел</i>
Брат Джилес	<i>помощник травника</i>
Отец Теодор	<i>наставник послушников</i>
Брат Кормак	<i>работает на кухне</i>
Брат Таддеус	<i>помогает в доме аббата, также работает в гончарне</i>
Брат Амброз	<i>келарь</i>
Брат Клемент	<i>служит в скриптории и библиотеке</i>
Брат Фиделис	<i>садовник</i>
Брат Питер	<i>заботится о лошадях, сделал кресло-каталку</i>
Брат Марк	<i>пчеловод</i>
Брат Стивен	<i>управляющий фермой</i>
Брат Мартин	<i>привратник</i>
Брат Паулин	<i>садовник</i>
Брат Доминик	<i>госпиталий, или странноприимный монах</i>
Брат Пруденций	<i>работает на ферме</i>
Брат Бэзил	<i>звонарь</i>
Брат Ричард	<i>рефекторарий</i>
Брат Дамиан	<i>отправлен в университет</i>

Брат Джозефус	<i>помощник аббата</i>
Брат Джеймс	<i>переплетчик, отправлен в университет</i>
Отец Бернард	<i>будущий келарь</i>
Брат Герман	<i>работает на ферме</i>
Отец Жерар	<i>елемозинарий</i>

Послушники и постуланты

Здесь не упоминаются, но вот некоторые из братьев, имена которых появятся в четвертой книге:

Брат Бенедикт	<i>работает в разных местах</i>
Брат Бонифаций	<i>помогает в скриптории</i>
Брат Кассиан	<i>работает в школе</i>
Брат Седд	<i>помогает в скриптории и ризнице</i>
Брат Конрад	<i>отвечает за дровяной склад</i>
Брат Феликс	<i>помощник отца Гилберта</i>
Брат Плацид	<i>работает в разных местах</i>
Брат Роберт	<i>помогает в гончарне</i>

Больные или престарелые братья, живущие в лазарете

Брат Денис

Отец Элред

Отец Анселм

Отец Пол

Отец Джералд

Брат Киприан

Усопшие братья, которые упоминаются в книгах серии «Сокол и голубь»

Отец Грегори *прежний аббат общины*

Отец Эндрю *повар*

Отец Лукан

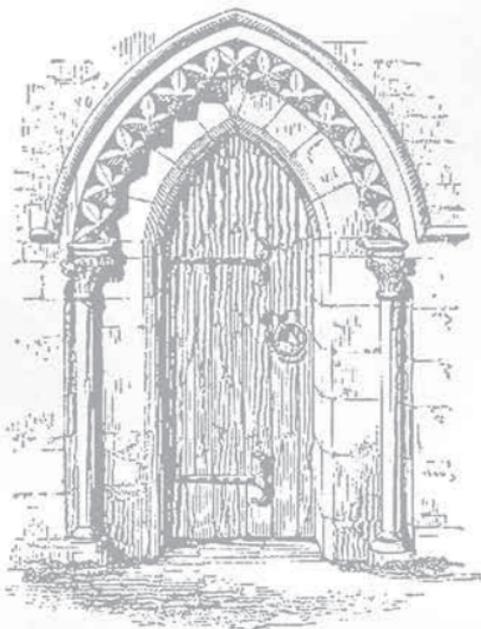
Помощники в общине

Мартин Джонсон *наемный слуга, работает
в лазарете*

*Худший вид несправедливости —
держаться в стороне,
худший вид невежества —
не действовать,
худший вид лжи —
улизнуть потихоньку.*

Шарль Пегги

Глава первая

На исходе лета

Двадцать второе июля.
Ежевика цветет. И цветочки у нее розовые. А Том всегда думал, что белые. Но когда новые, нежные, робкие побеги отяжелели под гроздьями тугих серовато-зеленых бутонов, тогда то тут, то там стали появляться ярко-розовые вспышки.

Малина в этом году обсыпная, роскошная — все благодаря ливням. Вот и теперь дождь огромными каплями стучит по разомлевшей от дневного зноя земле. Угли костра шипят и гаснут. Раскидистая жимолость у забора вносит в этот влажный, теплый и тихий вечер нотку душного, сладкого, женского

аромата, который смешивается с запахом дыма и щемит сердце, туманя разум.

Солнечный свет угасает, но пурпурно-синие лепестки шалфея еще ярче горят в наползающих сумерках. Как и голубые звезды алканны, и недвижно повисшие на толстых пушистых стеблях сиреневые кисти окопника. Пышные кремоватые зонтики бузины уже дают место обильным ягодам. Шиповник безумно красив, он еще в самом расцвете и тоже сулит богатый урожай. Зимой будет вдоволь сиропа из шиповника и бузиновой настойки.

На аптекарском огороде перитрум девичий разросся охапками желто-белых цветов, между которыми полыхает оранжевая календула. Всюду, всюду цветы!

«Что за лето выдалось! Правда, дождь сгноил половину нашего сена. А кое-что до сих пор остается в поле. Зато нас, похоже, ждет неплохой урожай зерна, и в бобах недостатка не будет — не то что в прошлом году, когда запас еле-еле, с горем пополам удалось растянуть на зимние месяцы. Ох, и медовый же год впереди! Цветы так и пышут здоровьем на

сочных стеблях — не никнут, не вянут. Нектара столько, что любая пчела расплывется в улыбке от счастья. Вот уж и вечер близится — вдали проворчал угрожающе гром. Коровы приглушенно мычат по дороге с пастбища в свой коровник. Брат Стивен в который раз припозднился с дойкой. В это время года ему явно нужен толковый помощник. Еще дальше, на холмах, раздается блеяние. Не представляю, как можно жить в тех краях, где не водятся овцы, — не слышать, как они подзывают ягнят; или, например, как одиноко кричит над головой кроншнеп; или как, взмывая под облака, разливается сладкоголосыми трелями жаворонок».

Так размышлял брат Том, сгребая остатки листвы на дымящееся кострище. Колокол уже звал к повечерию. Ветер подул с другой стороны, и Тома окутало облако дыма. Глаза защипало; он отвернулся и, громко откашлявшись, упрекнул себя: «Все правильно, поделом. Стоишь тут, ворон считаешь, а должен уже в часовню топать». И, прислонив к ограде вилы, пошел через сад — неторопливо, хотя колокол уже замолчал. Не такой это вечер был, чтобы спешить.

К своим тридцати трем годам брат Том вот уже одиннадцать лет как получил сан монаха в аббатстве Святого Алкуина на окраине йоркширских пустошей и с тех пор служил Господу в согласии с Уставом святого Бенедикта, усвоив ритм духовной жизни, при котором труд воспринимается как молитва, а молитва — как труд. Как и большинству братьев, поначалу ему пришлось пройти через некоторые трудности, однако сейчас жизнь его вполне устраивала. Львиную долю времени Том как личный помощник настоятеля проводил в его жилище, но этот рослый и крепкий мужчина, выросший на ферме, при всякой возможности находил себе работу на природе: в поле, на огороде, где-нибудь на холмистых пастбищах во время появления ягнят.

Прежде чем пуститься в обратный путь, Том с удовольствием оглядел прополотые грядки, а по дороге остановился, увидев побег белой розы, склонившийся над самой тропой. Тонкий стебель опасно гнулся под своим пышным бременем. Том выудил из кармана бечевку и, вытащив из-за пояса нож (обычное подспорье монаха в сотне разных ситуаций), разрезал ее пополам, чтобы бережно подвя-

зять цветков. Потом наклонился, вдохнул аромат — и лишь после этого нырнул в галерею клуатра. В стене была маленькая дверь, через которую он попал в ризницу монастырской церкви.

Немного постоял, давая глазам освоиться, и шагнул в часовню. Благоуханные летние сумерки остались позади. Над головой распростерся гигантский свод, наполненный одновременно тишиной и таинственным, перекликающимся, словно в глубокой пещере, эхом; живая тьма дохнула в лицо запахом камня, воска и ладана.

В часовне мирно воспевали псалом. Том с тревогой прислушался: «...frumenti, vini, et olei sui multiplicati sunt. In pace in idipsum dormiam...»*

— Батюшки, уже последний стих! — проворкотал он себе под нос. — Пора шевелить ногами!

Только сегодня утром, во время часа чтений, обсуждалась глава из Устава, касавшаяся

* «...Хлеб и вино и елей умножились. Спокойно ложусь я и сплю...» (Пс. 4:8–9). — Здесь и далее подстрочные примечания принадлежат переводчику.

пунктуальности, и аббат соловьем разливался о том, что она есть золотое правило вежливости, которая, в свою очередь, является главным украшением в венце христианского милосердия.

Брат Том слушал проповедь вполуха: наученный долгим опытом, он хорошо знал, насколько серьезна эта тема для отца-настоятеля. Все правила, имевшие хоть какое-то отношение к вежливости, он требовал соблюдать неукоснительно. Том за те одиннадцать лет, которые прослужил при нем личным помощником, чего только не наслушался об учтивости и пунктуальности. Впопыхах взбежав на хор, он проскользнул на свое место с подобающим смиренным видом как раз на последней фразе из «Глории»*. Строго говоря, он даже не опоздал, хотя был на волосок от этого. Почувствовав на себе взгляд аббата, монах набрался духу и поднял глаза. Отец Перегрин укоризненно покачал головой, однако очи его продолжа-

* «Глория» (*Gloria in excelsis Deo* — Слава в вышних Богу (*лат.*)) — древний христианский богослужебный гимн, входящий в состав католической мессы латинского обряда и англиканской литургии.

ли тепло улыбаться. Впрочем, Том привык не особенно обольщаться насчет этой улыбки и кротко потупился, присоединяя свой голос к общему пению: «Non accedet ad te malum: et flagelum non appropinquabit tabernaculo tuo. Quoniam angelis suis mandavit de te: ut custodiant te in omnibus viis tuis...» — «...Не приключится тебе зло и язва не приблизится к жилищу твоему; ибо Ангелам Своим заповедает о тебе — охранять тебя на всех путях твоих...»*

Брат Том нередко задумывался над тем, как должен относиться аббат к этому и многим другим похожим обетованиям из Писания. Что он чувствует, воспевая подобные слова? Отец Перегрин, тот, чью левую ногу и обе руки искалечили головорезы; целых тринадцать лет он тянет лямку собственного увечья, передвигаясь при помощи костыля, терзаясь беспомощностью, — и все же, глядите-ка, поет как ни в чем не бывало. Интересно, сердится ли Перегрин иногда на Бога? «Где была Твоя защита, когда я так в ней нуждался? Где носило Твоих небесных ангелов?» Возможно.

* Пс. 90:10-11.

Однако эти мысли, как и многие другие, он предпочитает держать при себе.

Брат Том вздохнул. Он любил своего настоятеля, но службу его личным помощником считал не самой приятной на свете. Человек это был не из легких — со своими приливами мрачного настроения, раздражительный и в духовном отношении чрезвычайно шепетильный. При этом брат Том не знал, найдется ли на свете другой монах, настолько чуткий к чужому горю, потерям, отчаянию, усталости. Пожалуй, эта-то чуткость к страдальцам в первую очередь и выдавала ужас, гнездившийся в его собственной душе. И все-таки: злился ли он на Бога? Может, и нет. Больше всего в Писании Перегрин любил слова: «Ессе homo» — «Се, Человек!», которые произнес Пилат, когда вывел перед толпой избитого, израненного, оплеванного римскими солдатами Иисуса в венце из терновых колючек. Се, Человек. Эммануил. Бог с нами.

Том часто слышал, как Перегрин вновь и вновь возвращает мысли братьев к этой живой иконе Божьей любви. Возможно, и в соб-

ственных страданиях он видел нечто вроде жертвы страдающему Господу.

— Разбитое сердце, — не раз и не два повторял он своим монахам, — дух сокрушенный и тело в агонии — вот истинные святые, на которых пребывает сила Его присутствия, а не останки мертвых или алтари, возведенные человеческими руками.

Том снова бросил взгляд на аббата. У того был усталый вид. Впрочем, как и всегда. Прешлой ночью, проснувшись от зова колокола к ночной службе, Том обернулся к настоятелю, с которым делил одну спальню, и обнаружил его постель нетронутой. Когда он проходил через главную комнату, где Перегрин работал, тот как раз с трудом поднимался из-за стола, заваленного горами планов и счетов, относящихся к монастырской ферме. Та же история повторилась под утро, когда колокол вновь прозвонил. Умывая и брея аббата перед началом часа чтений, брат Том попенял ему:

— Нас-то, небось, гоняете из-за каждого правила, а сами режима не соблюдаете. Любого из монахов, кто бы так загонял себя и

вовремя не ложились спать, вы уже давно бы с костями съели. А вы, что, особенный?

— Я — настоятель этой обители. Поэтому — да, особенный. Если не разберусь с этими хозяйственными постройками, нам придется снова влезать в долги. Для того ли я целых пятнадцать лет вытаскивал монастырь из долговой ямы и поддерживал в состоянии финансовой независимости, чтобы нам сейчас потерять эту независимость?

Брат Том аккуратно смыл с его лица следы мыла:

— На кого вы похожи? Вокруг глаз — синяки, словно после драки. Худеете, просто истаяли. Выглядите ужасно. В сентябре вам исполнится шестьдесят, в этом возрасте уже неразумно жечь свечку сразу с обоих концов. Заболеете ведь — да-да, заболеете, как пить дать. Нечего так смотреть на меня. Вы — монах. Смиритесь, предайте свои дела в руки Господа — и спите себе по ночам, ешьте вовремя, будьте паинькой. Если бы я был вашим начальником — уж и пропесочил бы вас за неподчинение Уставу!

— Начальником? Это с каких же пор ты мечтаешь стать надо мной начальником,

чтобы меня песочить? Нет, вы только послушайте! Честное слово, брат Томас, жить с тобой — все равно что иметь жену-пилу, только вконец позабывшую о брачных обязанностях! Полегче, Богом тебя прошу. Так, а теперь, будь любезен, возьми с собой в дом чтений вон те бумаги. Хочу просмотреть их сегодня с братом Амброзом и другими, кто в курсе наших хозяйственных затруднений, но и прочим братьям тоже нужно будет обрисовать положение — хотя бы немного, в общих чертах.

После часа чтений, во время которого Перегрин изложил перед всеми монахами суть забот, вставших перед обителью, он встретился со своим приором Чадом, братом Стивенном и стареньким братом Пруденцием с фермы, с нынешним келарем Амброзом (прозорливым, рассудительным, опытным, но тем не менее стареющим на глазах) и с его будущим преемником, отцом Бернардом, только начавшим осваивать новое для себя дело. Присутствовал также один арендатор-фермер, который помогал управлять фермой в счет уплаты своей аренды, и, конечно, брат Том, в чьи обязанности входило подавать нужные планы, записи и документы. Речь шла о некоторых

хозяйственных постройках, нуждающихся в неотложной починке. Загвоздка была в том, что за прошлый год казна аббатства существенно пострадала из-за налогов Ватикана и королевских военных поборов. К тому же, ранние летние дожди сгубили урожай сена в ближайших окрестностях — значит, на зиму его предстояло купить и доставить еще откуда-нибудь.

Брат Томас не без интереса прислушивался к разговорам. Обычно он пропускал беседы вышестоящих персон мимо ушей, но на сей раз речь шла о понятном и близком его сердцу предмете.

— Вдобавок, мы потеряли пятьдесят восемь овец из-за падальной мухи. Нашей вины в этом нет: стадо пришлось перевести в сад холмистого пастбища, где овец изводили треклятые охотничьи псы сэра Жоффруа д'Ибаси. А в саду их достала муха. Цистерцианцы из Маунт-Хоуп обещали продать нам суягных овец ближе к осени, когда у нас будут деньги за шерсть, настриженную этим летом. Стадо у них хорошее, крепкое, однако уступок в цене ожидать бесполезно. Сдерут с нас все до последней монетки.

Брат Стивен категорически настаивает на починке полевых хлевов для скота — вот здесь... и здесь. Коровник подождет. Надо просто молиться за теплую зиму, и все.

Еще одна срочная трата — нужно поправить каменную кладку главного стока возле дортуара. С этим тянуть нельзя. Моральное состояние любой общины напрямую зависит от состояния уборных.

И еще проблема: колокольня Святой Девы Марии, пострадавшая, если помните, прошлой зимой от бури. Как и крыша на восточной стороне церкви. На Пасху отец Чад читал мессу под перестук капель, танцующих на его бритой макушке. И хотя прихожан это, разумеется, повеселило, залатать крышу пресбитерия — наша прямая обязанность.

Кроме того, в феврале к нам прибудет с шестинедельным визитом епископ Эрик со свитой, а это значит, нужны дрова для каминов, фураж для его лошадей и горы провизии в самое скудное время года.

Далее, в этом году мы должны послать в университет по крайней мере двоих младших монахов. Отговориться нехваткой средств

больше не получится. Думаю, это будут брат Джеймс и, наверное, брат Дамиан. Пока не знаю. У меня есть друзья в Или, которые разместят их в аббатской гостинице в Кембридже: это хоть как-то урежет расходы.

Мы могли бы повысить ренту, хотя, конечно, такие меры — острый нож к горлу. Однако иного пути мне в голову не приходит. Надеюсь, у вас есть какие-то соображения. Но если они касаются постройки нового амбара с тремя гумнами, такого же, как в поместье Балбридж, и новой голубятни, слухи о которой до меня доносятся в последнее время, — можете сразу об этом забыть. Итак, брат Стивен?

Тот откашлялся:

— При всем почтении, отец, я уверен, что голубятня — тоже срочное дело. В прошлом году мы его отложили, и в позапрошлом тоже. При этом голубиное мясо — прекрасное подспорье для кухни. Как вы уже указали, к нам едет епископ, и его нужно чем-то кормить. Если половина птиц зимой перемерзнет, придется дополнительно забивать овец или кур. Если же перестроить голубятню и увеличить

ее, как давно пора было сделать, у нас будет куда больше мяса.

Отец Перегрин вздохнул. Взгляд у него был напряженный, левый глаз непрерывно подергивался.

«Переутомился, — подумал Том. — У него уже мысли путаются и голова трещит».

— Ладно. А ее обязательно перестраивать? Может, достаточно починить?

Брат Пруденций покачал головой:

— Крыша в дырах вот уже несколько зим. Несколько балок прогнили, насесты тоже.

— Да, но если их заменить, порча остановится, верно? — Брат Пруденций покорно потупился и замолчал. — Верно? — повысил голос аббат.

— Да, отец, — кротко промолвил брат Стивен.

— Благодарю за ответ. Крышу, так и быть, почините. Это мы можем себе позволить. Теперь насчет хлебов. Что скажете, брат Стивен?

— Тот, что на холмах... здесь... без перестройки не сегодня-завтра обрушится. Но он-то хотя бы каменный. Мы с братом Томасом,

если вы его отпустите, могли бы заняться им после жатвы. Вот этот тоже в угрожающем состоянии. На него еще по весне бурей повалило огромный вяз. Опять же, с балками и каменной кладкой мы справимся, но нужна будет помощь брата Томаса. Мы же вытешем новые опоры, брат?

Том кивнул:

— Знакомое дело.

Стивен ободряюще улыбнулся аббату, но тот не ответил, хмуро уставившись на расстеленные перед ним планы монастырского поместья. Брат Стивен обменялся обеспокоенным взглядом с управляющим и робко перешел к предложению, на успех которого надеялся меньше всего:

— Отец, я по поводу дальних построек на западе, у самой границы. Вряд ли вы туда заглядывали в последние годы...

При всем уважительном тоне, это была зазубренная стрела, и она угодила в цель. Лицо Перегринна помрачнело еще сильнее, желваки заиграли, губы плотно сжались. Том слишком хорошо знал, что этот знак не предвещает добра.

— Да?

Существовало не так уж и много дел, с которыми аббат, при всей своей увечности, не сумел бы справиться; но хромота действительно мешала ему наведываться в ту местность с ее крутыми перепадами ландшафта и каменистой почвой. Пожалуй, со стороны брата Стивена это был неосторожный шаг — так грубо напоминать отцу-настоятелю о его беспомощности.

— Там просторный амбар, однако и работа в нем предстоит большая. Скажу без обиняков, он вот-вот обрушится. Боковые стропила совсем обветшали. Подъемные ворота прогнули, так что свиньи и куры из соседних поместий запросто забредают, когда им вздумается. И потом, если снести амбар сейчас, пока некоторые балки еще целы и могут нам послужить, если на его месте построить новый, побольше, с двумя, а лучше тремя гумнами, мы бы могли сократить ввоз зерна и соломы...

— Брат Стивен, — тихо проговорил Перегрин, — только через мой труп вы снесете прекрасный амбар в угоду своим мечтаниям.

Позвольте напомнить, что вы дали обет святой бедности. Согласен, это не самое удобное здание. Я даже готов подумать о его увеличении, когда у нас появятся лишние средства. Стропила и ворота заменим, но это все.

Брат Стивен только промолчал. Управляющий собрался было что-то ответить, но, встретившись глазами с Перегрином, закрыл рот и просто кивнул.

Вскоре настала пора идти к обедне, и братья разошлись в подавленном настроении.

Не сильно улучшилась обстановка и после обеда, когда все собрались опять, чтобы обсудить возможности пополнить казну.

— Мой господин, мы могли бы... — заискивающим тоном начал брат Амброз, и Перегрин тут же выгнул бровь, — продавать корродии, как прежде...

«Ох, лучше молчите!» — промелькнуло в голове Тома, а через долю секунды уже грянул гром.

— Нет! Я не для того столько лет пахал, вытаскивая монастырь из долгов, чтобы теперь навязать ему на шею вечное бремя — чтобы среди монахов шатались незваные чужаки,

внося духовную порчу, и все из-за того, что нам прямо сейчас понадобились деньги.

— Ладно-ладно, — всплеснул руками Амброз. — Значит, возвращаемся к испытанным способам: затягиваем пояса еще туже и повышаем ренту.

— Да, именно так. Пока не достигнем такого уровня, когда сможем позволить себе желаемые улучшения — разумеется, в меру, не нарушая обетов бедности.

Отец Перегрин вплоть до вечерни убеждал братьев ограничить любые расходы до самых необходимых. Монахи были разочарованы, но, веря своему настоятелю и уважая его, всеми силами старались принять его точку зрения.

Когда все, кроме брата Томаса, удалились, Перегрин остался сидеть, хмуро глядя на разложенные перед ним расчеты и планы.

Том уселся напротив, в кресло, покинутое братом Пруденцием.

— Вы когда-нибудь замечали, отец, — начал он, — как тосклива жизнь переутомившегося человека, особенно если у него раскалывается голова и он двое суток нормально

не ел? Обращали внимание, как он вдруг начинает бросаться на людей, как исчезают куда-то его обычная доброта и великодушие, способность посмотреть на ситуацию чужими глазами?

— Брат Томас, ты мне еще тут проповедь будешь читать?

— Да разве бы я посмел? Просто хотел напомнить, что человека, забывающего про сон, трудно отличить от человека, забывшего про милосердие, терпение и про чувство юмора.

— Что же, спасибо тебе огромное. А теперь мне нужно еще раз обмозговать все эти расчеты. Не сомневаюсь, ты тоже найдешь, чем заняться.

— Наверное, нужно было сказать: «...забывшего про милосердие, терпение, чувство юмора и вообще потерявшего здравый смысл».

— Ты переступаешь границу, брат Томас. Не стоит переоценивать мою доброту и бесконечно испытывать мое терпение. Всему есть предел. Иди лучше, прополи огород, или что ты там собирался делать.

Том сердито махнул рукой и ушел.

И вот теперь, во время повечерия, он не мог без боли смотреть на осунувшееся лицо настоятеля, изрезанное резко очерченными морщинами, сжатый от боли рот и полные внутреннего напряжения глаза.

После службы братия молча удалилась на покой. Том дал Перегрину десять минут на дорогу, потом поднялся с колен и отправился следом. Аббата он нашел за рабочим столом, что был устелен бумагами. Брат Томас уселся напротив.

Перегрин поднял голову и вопросительно выгнул бровь, но, естественно, ничего не сказал.

— Идите спать, — подал голос Том.

Настоятель нахмурился:

— У нас теперь время молчания.

— Прошу вас, идите спать.

Аббат помедлил:

— Честно сказать, брат, чувствую я себя неважно. Боюсь к утру подхватить горячку или еще что-нибудь, поэтому и хочу сперва разобраться с делами. Обещаю тебе, как только

вот эти последние вопросы улягутся в голове, я посвящу целый день, а то и два, поискам своего утерянного здравого смысла, не говоря уже о чувстве юмора и так далее. Но сейчас мне необходимо сосредоточиться. Иди в постель. Я управлюсь к утрение и подремлю до рассвета.

Монахам, встающим к полунощной службе, полагалось ложиться рано; не было еще десяти, когда брат Томас развязал завязки сандалий и пояс, стянул с тела рясу и забрался в постель в одних панталонах и нижней рубашке. Устав повелевал братьям спать в полном облачении, снимая только нож с пояса, чтобы случайно во сне не пораниться, однако Том не собирався потеть в рясе знойной летней ночью. Снаружи едва-едва начинали сгущаться сумерки, но в жилище аббата с узкими щелями окон было уже довольно темно.

Том сбросил с себя одеяло. Погода стояла жаркая, духота ощущалась даже среди прохлады монастыря с его толстыми каменными стенами. Где-то вдали приглушенно погрохатывал гром. Брат Томас ворочался с боку на бок и никак не мог устроиться поудобнее.

— Хоть бы дождь пошел, — пробормотал он. — Дышать нечем!

Пару часов назад с неба упало несколько крупных, увесистых капель, но на этом все и закончилось, и природа угрюмо застыла в предчувствии серьезной грозы. Том лежал на спине, согнув ноги в коленях, сцепив ладони под головой и уставившись в темноту. «Так я вообще не усну», — подумал он...

И проснулся от ужасающего громового раската. За узким окном полыхнуло голубым светом, воздух наполнился сладким ароматом дождя. Потоки воды обрушились на косую крышу аббатского жилища, пристроенного к основному зданию как бы опомнившимся в последнюю минуту зодчим. Брат Томас повернулся на бок, прислушался. Шум дождя и раскаты грома вполне могли заглушить дыхание спящего рядом человека, но Том отчего-то был твердо уверен, что он здесь один. Новая вспышка молнии озарила комнату; доли мгновения оказалось достаточно, чтобы разглядеть пустую, нетронутую постель аббата.

— Чем же он занимается? — нахмурился Том.

Встав с кровати, он накинул на себя рясу, подпоясался и отправился в рабочую комнату настоятеля. На огромном дубовом столе по-прежнему высились беспорядочные горы бумаг, но отец Перегрин куда-то исчез. Дверь в клуатр оставалась закрытой, зато кто-то отпер маленькую дверь в стене позади письменного стола.

Брат Томас подошел и выглянул через узкий низкий проем в темноту. Перегрин стоял на мощеной дорожке, опираясь на свой деревянный костыль и подставив лицо дождевым струям. Вокруг ревела и грохотала гроза, вспышки молний время от времени бросали отсветы на мокрые камни у него под ногами и на трепещущие листья березы.

— Идите домой, глупец! — крикнул Том. — Какого черта вы здесь вытворяете?

Услышав оклик, Перегрин обернулся, и молния осветила его лицо, сияющее восторгом, смеющееся назло дикой буре.

— Вот честное слово, я начинаю сомневаться, в своем ли вы уме, — проворчал брат Томас, когда аббат подошел и остановился у порога, весь мокрый, с головы (с налипшими

вокруг тонзуры блестящими волосами) до самых пяток.

— Отец, я... — Том уставился на него, не веря глазам. — Ах вы, безмозглый... безмозглый... Дайте принесу полотенце. Ждите здесь и даже не думайте переступить порог.

Он пересек комнату, прошел по клуатру до лаватория у входа на кухню, где аккуратной стопкой были сложены до утра полотенца, взял из них парочку сверху и поспешил обратно.

Перегрин все еще стоял в дверях, повернувшись к дому спиной и глядя на грозовую ночь.

— Заходите и вытирайтесь. Простудитесь же, как пить дать! Посмотрите, посмотрите на себя! Нет — лучше я. Вы ведь на пол его выжимаете; конечно, вытирать-то потом не вам, а мне! Ох, отец, во что вы превратились! Вымокли до костей! Нужно поискать вам сухую одежду. В сундуке найдется другая ряса?

— Не знаю, ты же мой личный помощник и должен заботиться о таких вещах, — отвечал Перегрин, вытирая голову одним полотенцем, пока Том растирал его тело вторым,

сняв с него сырую одежду и бросив ее хлюпающим комом на порог. Аббат посмотрел на помощника шальными от упоения глазами. — Я просто обрадовался грозе, — произнес он извиняющимся тоном, однако с самым что ни на есть ликующим видом. — В ней столько страсти, столько величия! Я совсем не думал причинять тебе неудобства.

— Ну что вы, какие неудобства, отец? А вот вам, если запасная ряса не отыщется, придется шагать в часовню в чем мать родила.

Том затеплил свечу, отправился в спальню, подошел к сундуку у стены и поставил подсвечник так, чтобы хоть немного видеть одежду, в которой роется.

— Нашлась ваша старая ряса, — сказал он, вернувшись. — До утра сойдет на замену. Она сплошь залатанная и в пятнах, ну да в темноте все равно никто не заметит. Здесь еще нижняя рубашка — только на пугало огородное надевать, но тоже пока сгодится. А без панталон как-нибудь продержитесь до утра. Идите, сядьте на стул и положите уже костыль.

Он помог настоятелю переодеться, вытер полотенцем его пояс и сандалии.

— Даже не представляю, который час. То ли в часовню идти, то ли дальше спать? А, колокол прозвонил. Вы уже даже похожи на приличного человека. Давайте запрем эту дверцу перед уходом. Ну как, разобрались вы со своей работой?

— Да. Все наконец уложилось в моей голове. Я понял, как нам и в долги не влезть, и восполнить за год насущные нужды. Утром поговорю с братом Амброзом и отцом Чадом. А теперь: тс-с-с! Мы бессовестно нарушаем время молчания. Больше — ни слова. Только одно: спасибо тебе, брат Томас. За все.

Во время долгого чтения Евангелия брат Том поглядывал на аббата: его веки неумолимо смежались, а голова, несмотря на отчаянные старания, то и дело слегка кивала. До конца утрени Перегрин еще продержался, но к лаудам совершенно раскис и, притулившись к боковой стенке своего сиденья, свесил голову на грудь. Том покинул отведенное ему место, приблизился к настоятелю и бережно встряхнул его за плечо. Перегрин со вздохом пошевелился, открыл глаза и сонно уставился на помощника:

— М-м-м?

Веки грозили закрыться опять.

— Отец... — Том склонился над ним и взял за плечо. Он представлял себе, как сильно будет смущен аббат, если его застанут спящим во время службы. — Отец!

Голова Перегринна дернулась набок, он что-то пробормотал, а потом как-то вдруг обмяк всем телом. Брат Томас присел на корточки, взял его за руку:

— Матерь Божья, да у него конвульсия!

Он обернулся через плечо и, к своему облегчению, увидел, как в часовню заходит брат Джон. Монахи из лазарета не каждый раз посещали ночную службу. Все зависело от количества их подопечных.

— Брат Джон! — позвал Том тревожно, вполголоса.

И все-таки его оклик перекрыл шорох сандалий, заставив скрытые под капюшонами лица монахов, возвращающихся в часовню ко второй за ночь службе, заинтересованно повернуться. Джон подошел к аббату под напряженными молчаливыми взглядами.

— Вот, у него... я не знаю... какие-то судороги...

— Так, подвинься-ка, дай посмотреть. Да, продолжай его придерживать. Попробуем взглянуть на лицо. Может, я подхвачу отца под руки, а ты возьмешь за ноги? Только класть будем на бок, не на спину. Справишься?

Успокоенный невозмутимым голосом, Том помог поднять Перегрину, а потом уложить на пол.

— Так, поглядим. Блевотины во рту нет. Глаза закатились. Лицо очень серое. Хм-м. Не очень-то мне это нравится. Мы можем поменяться местами? Хочу осмотреть тело. А... ясно. Видишь? Правая сторона вся перекосилась. Вот и с лицом то же самое. Я уже наблюдал подобные судороги. Есть надежда, что все обойдется, но... Ага, судорога закончилась. Дыхание медленное, очень медленное. Боже, а кожа-то страшная какая, даже при свечах. Нужно доставить его в лазарет. Знаешь, где тут стоят погребальные носилки? Перетащим на них. Пошли кого-нибудь в лазарет, сообщить брату Майклу, чтобы нас встретил кто-нибудь толковый. Брат Френсис или... Да,

Том! Скажи уже отцу Чаду, чтобы начинал службу. А то у меня мороз по коже от этой молчащей публики.

Даже воздух в часовне налился тяжелым свинцом, когда братья нарушили унылую тишину и, покоряясь давней традиции, открыли рты для песнопений. В этом году монастырь уже посещала смерть: по весне ушел отец Мэтью, а шесть недель спустя, перед Троицыным днем, — старенький отец Лукан. Голоса монахов привычно качались на волнах псалма, взлетая и опускаясь, однако все мысли были прикованы к утратившей сознание оболочке аббата, которую под мрачными взглядами братьев вынесли на погребальных носилках через южную дверь хора.

В теплом, недвижимом сумраке лазарета горели ночные лампы. Брат Майкл успел подготовить постель в не занятой другими больными палате. Действовал он спокойно, не совершая лишних движений, точь-в-точь как брат Джон. Оба привыкли иметь дело с нездоровыми, напуганными людьми, нуждавшимся в утешительном самообладании не меньше, чем их перелом или горячка нужда-

лись в лечении, а мускулы — в растирании с ароматическим маслом. Это была неотъемлемая часть заботы, на которую больные могли здесь рассчитывать, и брат Майкл, ощутив тревогу Тома, постарался сгладить ее своим невозмутимым отношением человека, знающего свое дело.

Томас беспокойно всматривался в лицо брата Джона, пока они с братом Майклом раздевали аббата и укладывали его в чистую постель. Обмякшее, но одновременно окоченевшее, точно труп, тело Перегринана не сопротивлялось их действиям, но и, конечно же, не помогало. Его широко раскрытые глаза вращались независимо друг от друга. Затрудненное дыхание прорывалось из груди с хрипом. Внимательный, сосредоточенный взгляд брата Джона не выдавал никаких движений души.

— Это его старая туника. — Том и сам слышал, что почти бессвязно бормочет из-за волнения, однако никак не мог взять себя в руки и говорить помедленнее. — Он вышел ночью под ливень и вымок насквозь. Нижняя рубашка — тоже старая. Панталон я других не

нашел, это было глубокой ночью. Думал утром поискать что-нибудь попримечнее, но...

Брат Джон поднял глаза:

— Все в порядке. Панталоны ему в ближай-
шие дни не потребуются, ряса тоже, а нижних
рубашек у нас — полный шкаф. Не волнуйся,
брат. Иди пока, отдохни. Если что-нибудь из-
менится, я сообщу. Какое-то время он оста-
нется в таком состоянии, потом — одно из
двух. Будь готов ко всему.

— Я же говорил, я говорил ему не пере-
утомляться, беречь себя...

Брат Джон покачал головой:

— Думаю, это вряд ли что-нибудь измени-
ло бы, Том. Он же не молодеет. Такие вещи
случаются рано или поздно, от человеческой
воли тут мало что зависит. Сделаем все, что в
наших силах, не унывай.

Брат Томас кивнул.

— Ну, я пойду, — сказал он, замявшись в
дверях. — Помочь больше нечем. Если что,
дайте знать.

И вышел в ночь, под струи дождя, охвачен-
ный чувством глубокой потери. За годы об-

щения между ним и отцом Перегрином завязались крепкие узы доверия и любви. Легко сказать: «Будь готов». Возможно ли подготовиться к утрате этого трезвого ума в сочетании с горячим сочувствием, этой честности, смелости веры, этого человека, с которым они успели настолько сблизиться?

Том не пошел отдыхать, а вернулся в часовню. Сделать он ничего не мог, зато мог молиться, а сон теперь все равно бежал от него. Перед мысленным взором так и стояло сизое, обмякшее лицо Перегринна с закатившимися глазами. Толкнув дверь, Том вошел на хор.

И увидел перед собой всю общину, единодушно оставшуюся после службы ходатайствовать перед Богом за своего аббата. Так, в тревоге и молитвах, братья пробыли до утра.

Содержание

Община аббатства Святого Алкуина	5
<i>Глава первая. На исходе лета</i>	11
<i>Глава вторая. Сразу после бури</i>	45
<i>Глава третья. Собирая осколки</i>	93
<i>Глава четвертая. Покидая безмолвие</i>	149
<i>Глава пятая. Обещание</i>	209
<i>Глава шестая. Боль</i>	255
<i>Глава седьмая. Все проходит</i>	315
<i>Глава восьмая. Зима</i>	355
Словарь терминов	387
Распорядок дня в монастыре	391
Литургический календарь.....	397